

Глядя, как ребенок забавно злится и топает ногами, Чжао Ци наконец почувствовал, что тот по-настоящему расслабился. Он рассмеялся еще громче, заливисто и беззаботно, пока пещера не наполнилась его звонким гоготом.

Тао долго и тщательно оттирался у ручья, прежде чем вернуться в пещеру.

Теперь, когда грязь сошла, мальчик выглядел на удивление опрятно. Его личико с огромными глазами и крошечным ртом казалось точеным, словно у фарфоровой куклы — с первого взгляда его легко можно было принять за девчушку.

Чжао Ци удивленно цокнул языком и потянулся ущипнуть его за щеку — кожа оказалась тонкой, совсем без жирка.

— Вырастешь — девчонки толпами за тобой бегать будут! — ухмыльнулся он. — Ну, разве что мне будешь капельку уступать.

"Никто и никогда не смел так бесцеремонно распускать руки, — подумал Тао, чувствуя прикосновение. — Если бы этот глупец узнал, кто я на самом деле... Наверняка умер бы от страха. Свалился бы на колени, как все эти жалкие смертные, и молил о пощаде, дрожа всем телом?"

Впрочем, Чжао Ци и сам был чертовски недурен собой. Стоило взглянуть в его глаза, как в груди разливалось странное тепло, а когда он улыбался, обнажая пару острых клыков, это чувство становилось лишь сильнее.

— Иди-ка сюда, голову тебе помоем, — Чжао Ци увлек мальчика к выходу из пещеры, где струился дождевой поток. — Будет не очень приятно, так что сиди смирно и не дергайся.

Уложив мальчишку головой к себе на колени, он одной ладонью прикрыл ему глаза, а другой, приспособив мокрую футболку вместо ковша, принялся зачерпывать дождевую воду и аккуратно поливать ему макушку.

Тао вздрогнул всем телом, но тут же совладал с собой и замер. Мыла у Чжао Ци не было, но он вовремя вспомнил про плоды мыльного дерева, которые успел набрать в лесу. Размяв их в ладонях, он взбил скудную пену и бережно нанес ее на волосы ребенка.

— Все хорошо, потерпи. Отмоем хорошенько, и никакая зараза в волосах не заведется, а то ведь замучает зуд, спать не сможешь.

Чувствуя, что мальчик одеревенел у него на коленях, словно сушеная вобла, Чжао Ци не мог обнять его — руки были заняты, — а потому лишь продолжал ласково приговаривать. Пены вышло совсем немного, но, когда он принялся массировать голову, жесткая корка грязи сошла, и под пальцами оказались на удивление мягкие и шелковистые пряди. Просто раньше они

свалились от вековой пыли.

Чжао Ци невольно вспомнил, как в приют привозили новеньких ребят — некоторые были куда грязнее Тао. В такие дни директор в самый полдень грел огромный таз воды и под теплыми лучами солнца отмывал замарашек дочиста, с головы до пят.

— Сколько себя помню, мне никто никогда не мыл голову и не помогал купаться, — негромко заговорил Чжао Ци. — Я жутко завидовал соседскому мальчишке. Его мама, когда мыла его, всегда так ласково массировала ему виски и затылок.

— Давай-ка я тебе тоже массаж сделаю!

Под мерное, усыпляющее бормотание Чжао Ци напряжение из тела Тао постепенно ушло. Он приоткрыл рот и тихо спросил:

— А твои родители? Где они?

— Понятия не имею, даже лиц их никогда не видел, — Чжао Ци заметил, как мальчик сочувственно поджал губы, и беззаботно рассмеялся. — Директор нашел меня в корзине у ворот приюта. Но ничего, видишь — вырос же как-то, да еще каким молодцом! Мир не без добрых людей, мне всегда помогали.

— Ну всё, расслабься, сейчас начнется самое приятное!

Взбив остатки пены, Чжао Ци зарылся пальцами в мокрые пряди и принялся мягко, без нажима разминать кожу головы. Движения его были такими нежными и усыпляющими, что истощенный ребенок незаметно для самого себя погрузился в глубокий, спокойный сон. Он опомнился только тогда, когда Чжао Ци бережно смыл остатки мыльного сока, и сонно зашарил кулачками по лицу.

— Ну вот и всё, беги скорее к костру! Суши волосы, а я пойду быликенько ополоснусь, пока дождь не кончился.

Пока он возился с Тао, грязь и чужая пыль осели на его собственной коже, вызывая невыносимый зуд. Выскочив под стену проливного дождя, Чжао Ци принялся торопливо мыться. Раздавленные мыльные орехи помогли смыть липкий лесной сок и пот, принеся долгожданное облегчение.

Тао сидел у костра, глядя, как капли воды срываются с его волос и с шипением исчезают в углях. Жар от пламени окутывал его плотным облаком, прогоняя даже намек на сырость. От чистых волос исходил едва уловимый, терпкий и горьковатый травяной аромат. Этот запах странно успокаивал.

Он вытянул руку вперед. Кожа под слоем вековой грязи оказалась бледной, почти прозрачной, и на ней отчетливо проступали синяки и ссадины. Он робко завел руку за спину, нащупывая лопатки — крылья еще не успели пробиться, а значит, их никто не ломал... В полумраке пещеры, озаряемой лишь пляской пламени, в самом центре его крошечной детской ладони вдруг зародился и запульсировал сгусток непроглядной, антрацитовый тьмы.

Стоило этому темному пламени ожить, как костер в пещере испуганно метнулся в сторону, а тени на стенах дико заплясали.

— М-м-м... Ла-ла-ла! О да, я пою ла-ла-ла...

Снаружи донеслось фальшивое, но ужасно жизнерадостное мычание Чжао Ци. Голос у него в обычном разговоре был приятным, бархатистым, но пел он так безбожно мимо нот, что этот нелепый мотив невольно вызывал улыбку.

Тао сжал кулак, гася темную вспышку. Он провел рукой по чистым, шелковистым волосам и, прислушиваясь к доносившемуся сквозь шум дождя фальшивому пению, привалился к прохладной каменной стене. Он невольно закрыл глаза.

Когда Чжао Ци, ежась от прохлады и растирая плечи, вернулся в пещеру, мальчик уже крепко спал. В колеблющемся свете костра его бледная кожа казалась почти прозрачной, отчего багровые кровоподтеки и синяки выглядели особенно пугающе.

Развесив мокрую одежду сушиться у огня, Чжао Ци достал собранный днем вербейник монетчатый, тщательно промыл его и растолок камнем в сочную зеленую кашу. Затем он принялся осторожно наносить травяное снадобье на ушицы мальчика. Тот даже не шевельнулся — тяжелый день и пережитые потрясения совершенно лишили его сил.

Дойдя до длинного пушистого хвоста, Чжао Ци на мгновение замешкался. Он нерешительно протянул руку и слегка коснулся пальцем мягкой шерсти — кончик хвоста тут же едва заметно дрогнул.

"Кажется, днем мне показалось, что он перебит..."

Он аккуратно провел ладонью по всей длине. Ощущение было более чем странным — обычный с виду ребенок, но с самым настоящим кошачьим хвостом. Под пальцами обнаружился небольшой бугорок. Ощупав его внимательнее, Чжао Ци понял, что это просто старый рубец, а кости целы.

"Слава богу, обошлось, — с облегчением подумал он. — Случись тут перелом, я бы вовек не нашел ни шины, ни гипса".

— М-м?..

От этих прикосновений Тао сонно приоткрыл веки. На мгновение Чжао Ци показалось, что зрачки мальчика сузились в тонкие вертикальные щелочки, словно у хищного зверя. Он удивленно нахмурился и наклонился ближе, но глаза ребенка оставались прежними — глубокими, темными, совершенно обычными.

"Померещится же всякое в полумраке", — мысленно отмахнулся Чжао Ци и легонько потрепал мальчика по чистой макушке.

— Спи, маленький. Всё хорошо.

Тао тут же засопел снова. Чжао Ци мягко улыбнулся. Кто бы мог подумать, что в этом диком, чужом мире, куда его забросила судьба, именно этот странный приبلудный ребенок станет для него единственной опорой и утешением.

"Интересно, директор, учителя... ищут ли они меня еще там, дома?"

Остатки травяной кашицы Чжао Ци нанес на собственные израненные стопы. Сок вербейника мгновенно впился в свежие царапины острой, жгучей болью, заставив его судорожно втянуть сквозь зубы воздух. Лесные заросли здесь были безжалостны — малейшая неосторожность, и кожа мгновенно покрывалась глубокими порезами от жестких плетей лиан.

"Хорошо хоть, голодными не остались. Ладно, завтра нужно будет раздобыть побольше полезных вещей, если повезет".

Наметив план на утро, Чжао Ци подбросил в угасающий костер несколько сухих веток. Пламя с новой силой заплясало на стенах, а он, привалившись плечом к прохладному выступу, погрузился в раздумья.

"Великое божество Байцзэ... Зачем ты призвал меня в этот мир? Чего ты от меня ждешь?"

Проснулся Чжао Ци оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Он с трудом разлепил заспанные веки и сквозь пелену сна услышал встревоженный шепот Тао:

— Проснись. Сюда кто-то идет.

Чжао Ци торопливо вскочил, натягивая подсохшую за ночь одежду. Он тер затекшее лицо, силясь уловить хоть какой-то звук в утренней тишине, но его уши, в отличие от чуткого слуха мальчишки, не различали ровным счетом ничего. Стараясь не шуметь, они вдвоем осторожно двинулись к выходу.

— Чжао Ци!

В сером полумраке у входа возник силуэт — высокий, широкоплечий. Вождь Фэн.

Вид у вождя был суровым и хмурым, а его тяжелый взгляд буравил мальчишку, прятавшегося за спиной Чжао Ци. Тот едва заметно нахмурился, но тут же нацепил на лицо дружелюбную улыбку и мягко шагнул в сторону, загораживая собой ребенка.

— Что-то случилось, Фэн? Зачем ты здесь в такой ранний час?

Вождь шагнул под своды пещеры. Крупные капли дождя стекали по его обнаженным бугристым плечам — ливень снаружи и не думал утихать. Заметив, как решительно Чжао Ци опекает приبلудыша, Фэн помрачнел еще сильнее.

— Ты — почетный гость племени Дань, — глухо заговорил вождь. — Поэтому мы выделили тебе этот кров и поделились пищей. Но этот щенок... Он не наш гость. Он чужак.

— Вот как? — Чжао Ци мгновенно уловил суть, но улыбка даже не дрогнула на его губах. — Но разве то, что вы мне подарили, теперь не принадлежит мне полностью? Разве я не волен распоряжаться этим кровом по своему усмотрению?

Фэн упрямо сжал челюсти. Из-за спины Чжао Ци на него исподлобья смотрели злые, полные звериной ненависти детские глаза. Это лишь укрепило вождя в его неприязни. Он вновь перевел взгляд на Чжао Ци:

— Жрец Мин ясно дал тебе понять: он — проклятый человек. Племя Дань никогда не примет его и не позволит остаться на нашей земле.

— Проклятый человек, значит? И из-за этого он в ваших глазах перестал быть человеком?

С лица Чжао Ци разом сошла всякая приветливость. Он положил ладонь на чистую голову мальчика, прятавшегося за ним, и почувствовал, как тощее детское тельце мелко, испуганно дрожит, прижимаясь к его бедру.

— Да, я ваш гость, — Чжао Ци твердо встретил взгляд вождя, медленно подбирая еще не совсем послушные чужие слова. — Но этот ребенок теперь — моя семья. И зовут его Чжао Тао-тао.

Фэн опешил от такой дерзости. Сам же Тао-тао изумленно вскинул голову, глядя снизу вверх на своего защитника. Чжао Ци держался так спокойно и невозмутимо, словно вел беседу о погоде или спрашивал, что приготовить на завтрак.

Чжао Ци вдруг негромко усмехнулся и, сделав полшага вперед, обратился к вождю:

— Так что же получается? Почетному гостю вашего племени и его младшему брату здесь больше не рады? Нам обоим пора уходить?

На лице Фэна отразилось явное замешательство, но он быстро взял себя в руки:

— Ты действительно готов пойти на это ради него? Чжао Ци, ты не понимаешь, какую беду приносит проклятый человек. Твоя собственная судьба...

— У-у... — Тао-тао, крепко обхвативший тонкими ручонками ногу Чжао Ци, не выдержал и тихо, жалобно всхлипнул.

Чжао Ци, увлекшись спором, только сейчас опустил взгляд и замер от жалости. Мальчик беззвучно плакал. По его бледным щекам катились крупные слезы, а сам он до крови кусал губы, сиюсь сдержатъ рыдания. Сердце Чжао Ци сжалось.

Он быстро подхватил Тао-тао на руки и ласково погладил по шелковистым волосам. Малыш тут же уткнулся лицом ему в грудь, наотрез отказываясь поднимать голову, и только судорожные вздрагивания маленьких плеч выдавали его безмолвную истерику.

Чжао Ци принялся мерно покачивать ребенка на руках, расхаживая по пещере и демонстративно игнорируя стоявшего перед ним вождя. Фэн, чувствуя себя уязвленным, процедил сквозь зубы:

— Проклятые люди несут лишь...

Вождь осекся. В этот миг Тао-тао слегка повернул голову, выглядывая из-за плеча Чжао Ци, и их взгляды встретились.

В то же мгновение в груди Фэна взвыли первобытные инстинкты опытного охотника. Почуввав смертельную опасность, он задеревенел. Ему показалось, будто из глубины этих детских глаз на него в упор смотрит древний, колоссальный хищник, способный сожрать его за один миг. Вождь не мог ни пошевелиться, ни разомкнуть челюсти, а по его спине градом покатился ледяной пот.

— Не продолжай, Фэн, — Чжао Ци повернулся к нему, по-прежнему баюкая плачущего ребенка. — Я всё прекрасно понял.

Тао-тао судорожно вздохнул и зарылся лицом еще глубже в его плечо. Чжао Ци не стал тревожить малыша и, крепко прижимая его к себе, спокойно улыбнулся онемевшему вождю:

— Раз уж мы здесь лишние, мы уйдем. Дай нам пару дней, и духу нашего тут не будет.

— Но перед уходом... я бы хотел предложить тебе сделку.

Фэн тяжело, судорожно дышал. Только когда взгляд ребенка скользнул мимо, оцепенение спало, и вождь почувствовал, как к нему возвращаются силы. Липкий страх, зародившийся в самой глубине его души, не позволял ему больше смотреть в сторону Чжао Ци. Единственное, чего ему сейчас хотелось — это немедленно убраться прочь из этой проклятой пещеры.

— Сделку?.. — едва выдавил он пересохшими губами.

— Фэн! Вождь! Беда!

Снаружи раздался истошный мужской крик, оборвавший их разговор на полуслове.

Тяжелые, торопливые шаги заставили обоих обернуться. В пещеру ворвались несколько молодых охотников племени Дань, насквозь промокших под ливнем. Заводила — коренастый, крепко сбитый парень — выдохнул осипшим от бега голосом:

— Вождь, беда! Сяо У... Сяо У ушел в рощу киноварных деревьев и до сих пор не вернулся!

Личные страхи Фэна тут же отступили перед лицом надвигающейся угрозы. Чжао Ци удивленно почесал затылок и, бережно прижимая к себе притихшего Тао-тао, весь обратился в слух.

"Сяо У... Тот славный малый, который уже не раз выручал нас. Что же с ним стряслось?"

<http://bllate.org/book/18215/1747920>